

Часть главы 3 из повести Immune to Murder,
Rex Stout, Three for the Chair, Bantam Books, N.-Y, 1958
Полностью настоящий перевод опубликован в сборнике «Заглянуть вперед», Санкт-Петербург,
1991, Издательство «Милета».

На следующее утро, в девять тридцать, Вулф и я завтракали вместе за маленьким столиком в большой комнате у единственного окна, до которого сквозь просвет в деревьях добиралось солнце. Оладьи были вполне съедобные, хотя, конечно - никакого сравнения с теми, которые делает Фриц; а бекон, кленовый сироп и кофе, по признанию Вулфа, вообще оказались приятным сюрпризом. Все пятеро удильщиков ушли еще до восьми, каждый - на свой отрезок частных трехмильных угодий.

У меня была собственная программа, которую я вчера согласовал с хозяином. С тех пор, как я, семи лет от роду, выловил в Огайо из ручья свою первую радужную рыбку, у меня при виде быстрин всегда возникают два ощущения: во-первых, что в ней должны водиться рыбины, а во-вторых, что их надо как следует прочить. Хотя Крукид Ривер и зарыбливается искусственно, самим рыбам про то неизвестно, и ведут они себя так нагло, как если бы в жизни не видели инкубатора. Поэтому я с Брэгэном обо всем договорился. Пятеро рыбаков должны вернуться к домику в одиннадцать тридцать, и тогда все три мили будут свободны. Вулф в любом случае за стол с ними садиться не намерен, а по мне, конечно же, никто скучать не станет. Так что в моем распоряжении окажутся два часа и, как сказал Брэгэн, без особой, впрочем, сердечности, любая снасть и любые сапоги, какие я найду в шкафах и ящиках.

После завтрака я предложил было свои услуги на кухне – резать грибы, зелень, и вообще быть на подхвате, но Вулф попросил меня не путаться под ногами, поэтому я ушел и стал рыться в шкафах со снастью. В них оказалась весьма внушительная коллекция, особенно, если учесть, что до меня там успели покопаться пять человек, каждый из которых, должно быть, выбирал себе что получше. Наконец я остановился на трехколенном удилище «Уолтон Спешизл», катушке «Пауквиг» с леской на 0,7, клинообразных поводках, блесеннице с двумя дюжинами отборных мушек, четырнадцатидюймовой плетеной ивовой корзинке, подсачке с алюминиевой рамой и болотниках «Уэдерзилл». Волоча примерно по четыре сотни зелененьких на каждую ногу, я пошел на кухню, сделал три сэндвича с ростбифами, взял пару шоколадок и спрятал их в корзинку.

Не дав себе труда стянуть болотники, я прошлепал на улицу – взглянуть, какое небо и откуда ветер. День стоял погожий, скорее даже слишком погожий для удачной рыбалки: высоко над осинами висело несколько облачков, чересчур мелких, чтобы тягаться с солнцем, а с юго-запада тянул легкий ветерок. Река обегала охотничий домик почти правильным полукругом – так, что его главная веранда, размером с теннисный корт, выходила прямо на центр излучины. Неожиданно я столкнулся с проблемой из области этикета. На одном конце веранды, ярдах в десяти слева от меня, расположилась с каким-то журналом Адриа Келефи, на другом – ярдах в десяти справа, опершись подбородком на кулак и любуясь пейзажем, сидела Сэлли Лисон. Ни та, ни другая и виду не подала, что увидела меня или услышала. Проблема состояла в следующем: здороваться мне с ними, или нет; и, если здороваться, то с которой начинать – с супруги посла или с супруги помощника государственного секретаря?

Я молча протопал мимо. Если их тянет посостязаться в высокомерии, о'кэй. Но я подумал, что хорошо бы им заодно показать, перед кем они вздумали задирать нос. И стал действовать. Ни кустов, ни деревьев между верандой и рекой, а, вернее, просто ручьем, не было. Из целой коллекции кресел, которые стояли на веранде, я выбрал алюминиевое, с холщовым сидением и высокой спинкой, пронес его вниз, через лужайку, поставил на ровной площадке футов в десяти от берега, достал из блесенницы «серый хакл», насадил, уселся в кресло, стравил немного лески, бросил мушку в бурун. Дал ей отплыть футов на двадцать по течению, подтянул обратно и забросил еще раз.

Если вас интересует, рассчитывал ли я на поклевку на этом совершенно неподходящем порожистом участке, я отвечаю: да. Я рассудил, что парень, задавший себе столько трудов, разыгрывая всю эту сцену перед заносчивыми половинами двух сильных мира сего, имеет право на участие со стороны какой-нибудь матерой форелины, а если так, то почему бы ей и не клонуть? Она бы и клонула, не объявись вдруг какая-то мелюзга, которая мне все испортила. После двадцатого заброса я краешком глаза заметил серебряную искорку, пальцы почувствовали рывок лески, и вот уже у меня на крючке сидит этот малец. Я тут же выдернул его наверх в надежде, что он сойдет, но он засел основательно. Будь на его месте «папаша», я помучил бы его как следует, подтянул к себе и снял сухой рукой, так как ему все равно скоро на

сковородку, но, чтобы сбросить этого чертенка, руку пришлось замочить. Я вынужден был встать с кресла и лезть рукой в воду, что напрочь испортило все представление.

Проучив его как следует и возвратив туда, где ему и надлежало быть, я стал обдумывать ситуацию. Вернуться в кресло и продолжать, как ни в чем не бывало? Исключено. Этот чертов пескаришка сделал из меня посмешище. Я подумал, может стоит подняться вверх по ручью и побросать всерьез, как вдруг услышал звук шагов, а затем голос:

- Я и не знала, что рыбу можно ловить прямо из кресла! Где она? – Она говорила «ри-иба».

- Доброе утро миссис Келефи. Я выбросил ее в воду. Слишком мала.

- О! – Она подошла ко мне. – Дайте-ка. – Она протянула руку. – Я тоже поймаю. – При свете дня, как и накануне вечером, ее все так же хотелось подхватить на руки, а темные глаза глядели по-прежнему сонно. Когда у женщины такие глаза, любой мужчина с минимальным инстинктом исследователя непременно захочет выяснить, что нужно сделать, чтобы они зажглись. Но взгляд, брошенный на запястье, подсказал мне, что через восемнадцать минут мне уже пора уходить – за это время и познакомиться как следует не успеешь, не то что провести обстоятельное исследование. Тем более, когда на веранде сидит Сэлли Лисон и глядит во все глаза, теперь уже явно на нас.

Я покачал головой.

- Я бы с удовольствием посмотрел, как вы поймаете рыбу, - сказал я, - но не могу отдать вам эту удочку – она не моя. Мне ее одолжил мистер Брэгэн, и вам он, наверняка, тоже даст. Мне очень жаль. И, чтобы доказать вам, до какой степени – я мог бы, если хотите, рассказать, что я подумал, глядя на вас вчера за столом.

- Я хочу поймать рыбу. Я никогда еще не видела, как ловят рыбу. – Она уже ухватилась за удилище.

Я не уступал.

- Мистер Брэгэн вернется с минуты на минуту.

- Если вы дадите мне удочку, я позволю вам рассказать, что вы такое подумали вчера вечером.

Я пожал плечами.

- Да бог с ним. Я уже толком и не помню.

Ни единой искорки в глазах. Но она отпустила удилище и заговорила несколько другим тоном, чуточку более интимным:

- Ну, конечно, вы помните. Что вы подумали?

- Погодите, как это было? А, да. Такая большая зеленая штука у вашего супруга на перстне – это что, изумруд?

- Конечно.

- Я так и думал. Ну вот, я подумал, что ваш супруг мог бы с бльшим эффектом выставлять свои драгоценности. Обладая двумя такими сокровищами, как изумруд и вы, ему следовало бы вас объединить... . Лучше всего было бы сделать вам из этого камня сережку – одну, в правое ухо, а левое пусть бы оставалось так. Я даже хотел подойти к нему и подсказать.

Она покачала головой.

- Нет. Мне так не нравится. Я люблю жемчуг. – Она снова протянула руку и ухватилась за удилище. – А теперь я поймаю рыбу.

Похоже, между нами назревала драка, в результате которой мое «Уолтон Спешиэл» вполне могло и треснуть, но этому помешало появление одного из рыболовов. Джеймс Артур Феррис, тощий, длинный, в полном рыбацком облачении, вышел на лужайку, приблизился и заговорил:

- Доброе утро, миссис Келефи! Великолепный день, просто великолепный!

100:46. Меня опять щелкнули по носу. Но я все понял. За бильярдным столом я его побил –

- Я хочу поймать рыбу, - сказала ему миссис Келефи, - а этот мужчина не хочет мне дать свою удочку. Я возьму вашу.

- Конечно, - залебезил он. – С огромным удовольствием. У меня насажен «голубой дан». Но если вы хотите попробовать что-нибудь другое...

Я отправился в путь.

Общее направление ручья – ну, ладно, реки – было на север, но, конечно, на нем хватало и петель, и поворотов – я видел на большой настенной карте, висевшей в домике. Все три мили частных угодий были поделены на пять равных участков для сольной ловли, и на границе каждого участка стоял столбик с номером. Два участка располагались к югу от охотничьего домика, вверх по течению, а остальные три – к северу, по течению вниз. В этот

день, как вчера и договаривались, Спирос Папс и посол Келефи заняли южные участки, а Феррис, Лисон и Брэгэн – северные.

Я не люблю ловить с сухой мушкой, и с мокрой я тоже не ахти какой специалист, поэтому задумка моя была начать сверху и ловить вниз по течению. Я пошел на юг по тропке, которая, если судить по карте, более-менее игнорировала все изгибы реки и шла довольно прямо. Отойдя шагов на пятьдесят от домика, я встретил Спироса Папса, который поздоровался со мной без особого коварства или злорадства, приподнял крышку своей корзинки и показал мне семь красавиц, каждая из которых была более десяти дюймов в длину. Еще через четверть мили я встретил посла Келефи, который, хотя и опаздывал, но также остановился похвастать уловом. У него было восемь штук, и он обрадовался, когда я сказал ему, что Папса он сегодня на одну обошел.

Начав с южной границы участка номер один, я за сорок минут добрался обратно до охотничьего домика. Отчет за эти сорок минут я предпочитаю представить в виде голой статистики. Количество использованных мушек – три. Поскользнулся и чуть не упал – три раза. Поскользнулся и упал, промокнув выше сапог – один раз. Зацепы крючка в ветвях над головой – четыре. Улов: одна большая, которую я оставил себе, и пять маленьких, которых пришлось отпустить. Когда я подошел к домику, было только двенадцать тридцать, время обеда, и я обошел его кругом и нацелился на участок номер три, где в это утро ловил Феррис. Там удача повернулась ко мне лицом, и за двадцать минут я вытащил три крупных рыбины – одну больше двенадцати дюймов, а две другие лишь немногим меньше первой. Вскоре я подошел к столбику с номером четыре – началу участка помощника госсекретаря Лисона. Это было отличное место: трава здесь подступала вплотную к журчащей струе. Я снял мокрый пиджак, расстелил его на залитом солнцем камне, сам сел на камень рядом и достал свои сэндвичи и шоколад.

Но так как я обещал Вулфу вернуться к двум, а впереди еще было больше мили необловленного участка, я быстренько закинул в себя все свои припасы, сделал пару глотков прямо из реки, которая была на самом деле ручьем, надел пиджак, накинул на плечо корзинку и двинулся дальше. Следующие ярдов двести берега так заросли, что мне пришлось идти прямо по ручью; плес здесь был не из тех, где любит жировать форель, но за ним открылся двойной поворот с длинным буруном вдоль одного берега. Я встал посередине, стравил футов сорок лески, бросил мушку – «черного комара» – в начале буруна и пустил ее вниз по течению. Не прошла она и пару футов, как по ней ударил настоящий «дедуля»; я подсек – и он сел у меня на крючке. И пошел вверх по ручью прямо на меня, что, конечно – один из недостатков ужения вниз по течению. Я ухитрился не дать ему слабину, но он, подойдя так близко, что мог бы меня укусить, вдруг сделал крутой разворот, умотал обратно в самый бурун, потом пошел вдоль него и махнул за второй поворот. Катюшка-то у меня не километровая, и я заплюхал ему вслед, не глядя, куда ставлю ноги. Сначала вода доходила до колен, потом до бедер и снова до колен, пока я не выбежал за поворот. Дальше шел ровный порожистый участок футов тридцать в ширину, весь усеянный валунами, и я уже направился к одному из них, чтобы на него опереться – иначе против течения не устоять, – когда вдруг заметил нечто такое, что заставило меня остановиться. Если глаза меня не обманывали (а это совершенно исключено), то кто-то уже оперся о валун, лежавший у самого берега. Удерживая удилище, согнувшееся под напором «дедули», я забирал все ближе к этому валуну у берега. Там был помощник госсекретаря Лисон. Ступнями и голеними он лежал на земле, колени упирались в самую кромку берега, а все остальное было в воде; течением его прижимало ко лбу валуна. Струя слегка покачивала тело вверх-вниз, так что лицо его то показывалось из воды, то исчезало.

Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы ответить на главный вопрос, но существуют иногда шансы – один на миллион, поэтому я выпрямился, чтобы немного смотать леску, и тут мой «дедуля» сделал первую свечку. Он вышел наверх всем корпусом, щелкнул по воде, и я не поверил собственным глазам. Рыбина куда меньше его висела на стене в охотничьем домике. Когда он так выпрыгнул, я – конечно, совершенно инстинктивно – стравил немного лески, а потом смотал ее обратно, когда он опять ушел под воду, и снова держал его в натяг, на согнутом от напряжения удилище.

- Черт побери, - сказал я вслух. – Вот незадача.

Я переложил удилище в левую руку, зажимая леску между большим и указательным пальцами той же руки, убедился, что под ногами у меня твердая опора, наклонился, захватил воротник пиджака Лисона правой рукой, приподнял ему голову из воды и заглянул в лицо. Этого было достаточно. Утонул он или нет, он все равно был мертв. Я попятился и, медленно двигаясь задом наперед, вышел на берег, таща его за собой, и, уже когда я отпустил тело, моя форель сделала еще одну свечку.

Обычно такую рыбину нужно водить минут пятнадцать-двадцать, причем очень аккуратно. Но в данной ситуации я, естественно, испытывал некоторое нетерпение, поэтому уже минут через десять подтянул ее в такое место, где ее можно было подцепить сачком. Она была на семь дюймов длиннее корзинки, и мне пришлось ее сгибать, хотя страшно не хотелось этого делать. Я посмотрел еще раз на голову Лисона и, оттащив его чуть подальше от воды, подложил под нее носовой платок, чтобы она не лежала на голой земле. Я накрыл верхнюю половину его туловища своим пиджаком, разобрал удилище и взглянул на часы. Двадцать минут второго. Очень хорошо. Когда я дойду до охотничьего домика, от форели «Монбарри» уже ничего не останется. Вулф в любом случае взьется на меня, но что было бы, если бы я своим сообщением о найденном трупе перебил им процесс поглощения именно этого блюда, страшно даже подумать. Я зашагал по тропинке, держа удилище в одной руке, а корзинку – в другой...